

ЖЕНСКАЯ СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

К. С. Шаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 сентября 2018 г.

Аннотация: в статье с социально-философских и психоаналитических позиций проанализирован феномен женской символической власти в системе гендерных отношений. Описаны механизмы, с помощью которых гендерная символическая власть трансформируется в социальную и политическую власть. Показано, что женская символическая власть распространяется по механизмам властной ризомы, описанным Делёзом.

Ключевые слова: символическая власть, гендерная власть, телесность, властная ризома, гендерные отношения.

Abstract: the article analyses the psychological and socio-philosophical aspects of the phenomenon of female symbolic power in the system of gender relations. The ways are shewn in which gender symbolic power is transformed into social and political power. It is demonstrated that female symbolic power propagates according to the mechanisms of power rhizome described by Deleuze.

Key words: symbolic power, gender power, physicality, power rhizome, gender relations.

Тело и власть – одна из главных тем всей философии постмодернизма, и этим постмодернистский подход методологически близок к подходу, разрабатываемому в данной статье. Пионером в этой области можно, конечно же, назвать Мишеля Фуко. Изучая историческую традицию выстраивания властных отношений, где предметом манипуляции чаще всего оказывалось сознание, Фуко акцентирует внимание на технологиях воздействия власти на тело, обнаруживая их фундаментальную природу [1–4].

Фуко впервые показал, что существует разделение властных отношений на прямые телесные и опосредованные телесные, т. е. символические [1, с. 52–55]. В данной статье предлагаем остановиться на исследовании опосредованной гендерной символической власти для выявления механизмов распространения мужчинами и женщинами властных отношений в обществе, а также для исследования вопроса о взаимном влиянии социального и психологического при формировании систем гендерно-властных отношений.

Символическая власть – предмет исследований не только Фуко, но и М. Кастельса, и П. Бурдьё. Мануэль Кастельс, например, считает, что поддержка и распространение символической власти основываются на *символическом насилии* – процессе вытеснения одного символического кода в сознании человека другим, отличным от него, кодом [5, с. 35–44].

Символическое насилие определяется и тем, что исследователь называет «игровой социальной практикой тотальной символизации» [там же, с. 38].

Пьер Бурдьё считает символическую власть главным социальным конструктором, осуществляющим процессы *программирования* и *перепрограммирования* (в том числе и нейролингвистического), которые совсем не обязательно должны быть отрефлексируемыми и инспирированными таким институтом власти, как государство [6]. Размывание властных прерогатив государства расширяет спектр способов и механизмов манипулирования общественным сознанием в рамках отношений власти. При этом социальная коммуницируемость превращает процесс управления общественным сознанием в субъект-субъектный процесс без объектов, на которые власть распространялась бы *напрямую*. Говоря метафорически, все субъекты властных отношений оказываются во власти одной силы.

Гендерная символическая власть выстраивается как раз подобным образом. Можно выдвинуть обоснованную гипотезу, что ситуация в истории гендерных отношений была таковой, что мужчина всё время исторически пытался вырваться из-под власти женского: в семье, в отношениях, на работе (если его начальник – женщина). Вполне можно предположить, что большая часть нашей культуры, многие произведения искусства и литературы были созданы мужчинами не только благодаря процессу сублимации, описанному Зигмундом Фрейдом, но и как раз в такой попытке вырваться из-под символической власти женщины, закрепленной как ментальный архетип со времен древнего матриархата. В рамках концепции гендерной символической власти, разрабатываемой автором статьи, всё становится на свои места: психологическое сопротивление, которое оказывает мужчина, если женщина ставит его в подчиненное положение, используя свою власть неумеренно, дает ему возможность порождать культуру как таковую наряду с психологическим механизмом сублимации. Таким образом, несколько искусственной предстает точка зрения, согласно которой мужчина – якобы существо культурное, а женщина – биологическое [7, р. 102–108]. В конечном итоге культура формируется обоими гендерами, но в большинстве случаев женщины могут быть представлены как катализаторы этого процесса, а мужчины – как акторы, его реализующие; хотя, безусловно, в истории культуры можно найти множество исключений.

В постмодернистских исследованиях Ж. Бодрийяра [8], Ж. Ф. Лиотара [9–10] и Ж. Делёза [11] также именно тело оказывается базовым полем борьбы за доминирование различных властных структур и социальных сил. Понятие власти эти мыслители рассматривают не в классическом смысле, как деятельность конкретных политических институтов, а в смысле «вездесущего» феномена, поскольку она исходит откуда угодно, в смысле ризомы (термин Делёза), расползающейся и ветвящейся, децентрализованной, текучей.

Противопоставляя свое понимание власти классическим статическим теориям, в которых власть представляется некой жесткой вертикальной

структурой, Мишель Фуко пишет следующее: «Власть – этого просто не существует. Я хочу сказать, что идея, будто где-то в определенном месте или иманируя из какой-то определенной точки существует нечто, что и есть власть, – мне кажется, что эта идея зиждется на каком-то ложном анализе и уж во всяком случае не учитывает значительного числа феноменов» [2, т. 1, с. 365]. Фуко доказывает, что власть – это отношение, это пучок отношений, более или менее организованный, более или менее пирамидальный, более или менее плоский, более или менее согласованный.

По Фуко, существует два исторических типа власти, но оба они имеют телесную природу [1; 4]. Первый тип – это прямое физическое воздействие на тело, второе – опосредованное символическое воздействие на него. Фуко полагает, что примерно с XVII в. объект манипулирования меняется: им становится не физическое тело, а его «психический» и символический эквивалент – тело как особое поле приоритетов и желаний, что переводит проявление власти на микроуровень, на уровень, который находится ниже порога сознания [3].

Гендерный субъект властной ризомы

Развивая мысли Фуко, можно сказать, что на этом микроуровне восприятия власти индивид не только контролируется, но и перестает принадлежать себе, теряя свою субъективность в смысле своей универсальной психической формы субъекта. В системе такой власти индивид становится артефактом настоящего субъекта власти, контролирующего властную ризому в социуме или хотя бы некоторую часть этой ризомы, некоторую совокупность ее узлов. Этот реципиент властных отношений уже неидентичен себе, ведь его сознание через механизмы желания определяется теми ориентирами, которые сконструированы властью на микропсихологическом уровне. Иными словами, человек перестает быть тем, кем он хотел бы быть. Трудно в этом контексте не вспомнить апостола Павла, сказавшего: «Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7:15). Так и реципиент власти: он не просто уже делает совсем не то, что хочет, но и переидентифицируется за счет распространения щупалец ризомы властных отношений, добравшихся до него.

Если распространить концепцию «паутиной власти» Фуко или ризомной власти Делёза на гендерное поле, то мы можем прийти к выводам, не совсем похожим на классические выводы о патриархальности нашего общества и принципиально маскулинном характере власти. Не только женщина, но и мужчина может стать реципиентом подобных властных отношений, а его поведение может быть перекодифицировано, и идентичность – переизобретена женщинами. Для переконструирования на психологическом микроуровне самосознания мужчины женщина может использовать механизмы желания, и мужчина начинает желать именно того, что женщине нужно, чтобы он желал. При такой логике мужчина из «господина», каким он традиционно предстает в культурных

патриархальных стереотипах, трансформируется в «человека желающего»; он предстает уже не доминирующим фактором в распространении гендерной власти в социуме, а может становиться объектом знания и подчинения, одновременно видоизменяясь в качестве субъекта.

Мужские и женские властные стратегии при развитии второго типа символической власти (по Фуко) будут идти в паритете. Действительно, женщине для развития собственных властных стратегий не будет мешать природная физическая слабость по сравнению с мужчиной, как она мешала ей на первом этапе, этапе, который Фуко называет прямым физическим воздействием на тело.

Переконструирование биологического в социальное

В рамках постмодернистского подхода к власти логично предположить, что сексуальность как культурная категория западного общества, о которой некоторые современные авторы свидетельствуют, что она – не более чем кнут для женщины, механизм ее вечного подчинения мужчине, была сконструирована и эксплуатируема самими женщинами как инструмент подчинения мужчин своей символической власти. Такое переконструирование биологического в чисто социальный феномен достигло своего апогея, по-видимому, именно в XVII–XVIII вв., о которых писал Фуко – в то время, когда она превратилась из юридической категории, связанной сформированием фамилий и передачей прав наследования, в категорию онтологическую [1].

Психоаналитически это может быть представлено так: женщины могут репрезентировать себя как объекты желания мужчины, и мужчина не просто этому верит – у него не появляется намерений в этом сомневаться, поскольку его психика во время социализации умело конструируется женским элементом нашей культуры с помощью механизмов желания. Так, всё культурное наследие словно доказывает нам, что только женщина может «открыть» мужчине, что он – мужчина с его мужским благородством, гордостью, силой духа, выдержкой, фундаментальностью, основательностью и массой других типично мужских позитивно окрашенных качеств, которые уже закреплены как культурные стереотипы. На это обращал внимание еще Фрейд [12]. Эта ситуация может быть объяснена психологической центростремительной силой притяжения мужчины к женщине. Женские стратегии во властной ризомной структуре основываются на главном гендерном законе нашего бытия: женщина достаточно хорошо существует и без мужчины, как психологически, так и в социальных аспектах, например трудовых отношениях. Вопреки многим расхожим культурным стереотипам, а также теоретически оформленным мыслям о том, что женщина без мужчины – какой-то культурный нонсенс (здесь можно вспомнить и Руссо, и Конта, и Фрейда), ситуация может оказаться не столь простой.

Женская политическая власть в истории

История конца XX – начала XXI в. убедительно демонстрирует нам, что случаи доминирования женщин присутствуют даже в политической

власти, не говоря уже о власти семейной, институциональной, экономической, символической. Мы становимся свидетелями тому, что словно бы «ниоткуда» возникают Маргарет Тэтчер, Тереза Мэй, Ангела Меркель, Кондолиза Райс, Хилари Клинтон, которые своим примером доказывают, что для женщин сфера политики принципиально открыта. Так, П. Бранд и К. Касмейер во вступлении, предшествующем специальному феминистскому выпуску американского журнала в области эстетики, указывают, что «смена феминистских перспектив происходит вследствие осмысления гендерной позиции: феминизм обнаружил не замечаемую ранее маскулинистскую ориентацию знаний и тем самым многое изменил в нашем понимании» [13, р. 2].

Действительно, сдвиг интересов феминистского движения понятен. Мы имеем немало примеров (как из прошлого, так и из современности) того, что женщины успешно выстраивают систему политической власти по своим собственным стратегиям. Более того, если вспомнить историю, бросается в глаза тот факт, что наиболее сильная и эффективная структура государственной власти в обществе присутствовала именно в те моменты, когда ее возглавляла сильная и волевая женщина. Прекрасно организованный социальный порядок могли создать не только мужчины, но и многие женщины-правительницы от Клеопатры и Ливии, матери Тиберия, в Древнем мире до английских королевы Елизаветы и Анны Стюарт. Женщин, имевших доступ к самым верхам политической власти, можно условно разделить на три группы: 1) правительницы по своему собственному праву, например, английская королева Елизавета, дочь Генриха VIII, или императрица Ву Цзэтянь из династии Тан в Китае; 2) супруги монархов, продолжавшие править страной после смерти своих мужей по праву жен, например, Екатерина Медичи, супруга короля Франции Генриха II, или австрийская императрица Мария Терезия; 3) фаворитки, обладающие теневой властью и правящие страной через монархов – своих любовников, например, маркиза де Помпадур, фаворитка Людовика XV, или Арабелла Черчилль, фаворитка Джеймса II, короля Англии [14].

Думаю, дело здесь не столько в положительном влиянии этих женщин на своих мужей, возлюбленных, сыновей, братьев или иных родственников. Характерно то, что их мужчины зачастую приходили к власти уже тогда, когда эти женщины создали институционализированную административную систему государственной власти.

Символическая женская власть в семье и вне семьи

Если от политической власти обратиться к системе властных отношений в семье, то выводы, согласно которым женщина всё время оказывалась в дискриминируемом положении со стороны мужей, по-видимому, также не вполне соответствуют истине, если мы обратимся ко всей совокупности исторических фактов. В рамках института семьи и в сфере личных отношений женщины уже давно создали определенную систему власти, которая поддерживается в том числе и структурой гендерных

стереотипов. Мужчина чаще всего в этом контексте представляется непрактичным и безответственным, не понимающим даже самых простых истин. Женщины, наоборот, часто позиционируют себя в семье сверхактивными и заботливыми женами и матерями, а иногда начинают с помощью постоянной критики воспитывать в характере своих мужей чувство зависимости, которое бы не давало мужчинам почувствовать в себе достаточную уверенность, смелость и высокую степень психологической независимости [15, р. 8–14]. В результате этого, как показывается в известном психоаналитическом труде Отто Кернберга «Отношения любви» [16, с. 24, 41, 172–179], мужчины, которых женщины в семье уподобляют детям, иногда оказываются в полностью подчиненной роли в системе не только семейной власти, но и в социуме вообще, например, в сфере трудовых отношений.

Институт материнства в рамках современного социально-философского дискурса зачастую рассматривается как форма закрепощения, рабства для женщины, способствующая деградации женских профессиональных возможностей [17]. Адриен Рич, например, утверждает, что «тело оказывалось тюрьмой для женщины, через него осуществлялся контроль над ней. Многие женщины становились матерями, не имея никакой свободы выбора» [18, с. 13]. Исследовательница обвиняет мужчин в том, что они вовлекли материнство в сферу властных отношений за счет регуляции женской репродуктивной способности, контроля над контрацептивами, абортами, акушерством, гинекологией, внутриматочными репродуктивными экспериментами, а также созданного мужчинами стереотипа, согласно которому женщины, не ставшие матерями, понижают свой статус. Именно в рамках нелиберального социально-философского дискурса впервые зародилась концепция *child-free* женщин, т. е. женщин, сознательно отказывающихся в принципе от материнства и даже физиологической возможности иметь детей [ibid., р. 40–44].

Шуламит Файерстоун, одна из лидеров левого крыла в феминистских исследованиях, рассуждает еще более радикально. Развивая мысль о том, что материнство представляет собой уязвимость женской конституции и слабость женского тела, она убеждена, что до тех пор, пока женщины вообще продолжают в глобальном смысле рожать детей, они с неизбежностью будут подавляемы и угнетаемы, а единственный способ избежать этого – внутриматочное размножение, репродуктивные технологии и новые формы жизни [19].

Дж. Аллен аргументирует, что материнство уничтожило женщину как таковую. Со временем, считает она, материнство «должно быть искоренено, материнство опасно для женщин, потому что оно утверждает ситуацию, при которой женщина должна быть только женщиной и матерью, она отрицает возможности развития для женщины личного творчества и создания мира, который был бы для нее открыт и свободен» [20, р. 315].

Думаю, здесь ситуация более многогранна, чем следует из трудов процитированных авторов, хотя они, конечно, в ряде моментов правы.

Во-первых, опыт развития человечества показывает, что иногда именно материнство становится для женщины основой развития творчества и базисом формирования нового психологического мира.

Во-вторых, мужчины редко вовлекают женщин в горизонт власти с помощью материнства. Часто происходит обратная ситуация: материнство начинает служить опорой женской власти в семье. Возможно, пока женщины будут рожать детей и человечество не перейдет полностью на искусственные формы размножения, как это описано в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», это будет давать женщинам возможность и право конструировать систему властных отношений согласно с их собственными гендерными стратегиями, а не подчиняясь маскулинным стратегиям.

В-третьих, если признать справедливой марксистскую точку зрения, согласно которой семья – это первичная ячейка общества, то формирование властных отношений в таком микросоциуме должно оказывать большое влияние на выстраивание различных типов власти в социуме в глобальном масштабе. Тогда вся власть мужчин, уничтожающих женское, о которой много написано в современном социально-философском дискурсе, оказывается не такой уж и стабильной.

Законы функционирования власти в социуме тесно связаны с законами формирования психики индивидов. Согласно нашей концепции, социализация мужчины такова. Для мужчины «стать мужчиной» – значит отказаться от феминности в условиях древней матриархальной символической власти, пронизывающей культурное пространство. Ситуация может быть обратной той, которую описывает Фрейд. Не женщины завидуют мужчинам, как у Фрейда, а наоборот: мужчины завидуют женщинам, и в первую очередь потому, что не могут рожать детей, что подчеркивал еще Аристотель [21, т. 4, 1254b, 1272a, 1334b], а Захер-Мазох в «Любви Платона» оформил в законченной концептуальной манере [22]. В рамках психоаналитического дискурса это можно было бы назвать «маскулинным комплексом неполноценности», проистекающим из-за того, что система гендерной власти теснейшим образом связана с браком, материнством и сферой личных отношений.

Можно было бы пойти еще дальше и предложить идею, согласно которой у женщин две стадии социализации, а у мужчин – три. Если мужчина социализируется на первых двух классических стадиях социализации через подчинение феминности, а на последней, завершающей стадии – через психологический отказ от власти символического матриархата, его успешная окончательная субъекция и самоидентификация гарантируются во многом психологическим комфортом из-за успеха в любви к женщине.

Как это связано с концепцией эдипова комплекса? Мать может вовлечь сына в систему настоящей женской власти, но она не должна делать этого – на то она и мать. Она любит сына не властно; но если мы встречаем такое инкорпорирование сыновей в женскую материнскую власть, которая начинает превалировать над обычной материнской родитель-

ской любовью, то мы попадаем в ситуацию деструктивной социализации мужского, как, например, в печально известном примере Шопенгауэра и его матери. Во-первых, мужская социализация будет незавершенной, во-вторых, психика мужчины будет травмирована, и, в-третьих, мужчина вряд ли сможет интериоризовать свою психику так, чтобы стали возможными нормальные отношения с женщинами.

Психологически это означает то, что тогда мужчина не сможет любить никакую женщину из-за перманентного страха перед матерью и ее символической властью; он вряд ли сможет превозмочь себя, и из-за этого он будет постоянно несчастлив: любая женщина начнет преломляться в его понимании через призму комплекса представлений о матери и ее власти – власти родовой и женской самой по себе [12, с. 330 и сл.]. Любая женщина будет сравниваться в его сознании с матерью и ни одна никогда не сможет превзойти мать как женщину, таким образом, мужчина будет несубъективирован всю свою жизнь, что, возможно, повлечет за собой отрицательные последствия для него не только в сфере личных отношений, но и в других сферах. Не стоит путаться в терминах: любая мать имеет и должна иметь власть над своим ребенком – сыном или дочерью, – однако в настоящем контексте я, как и Фрейд, говорю не про родительские права и родительскую власть, а про психологическую власть матери над сыном.

Подчеркну, что моя концепция не выходит из эвристического поля теорий Талкотта Парсонса [23], Зигмунда Фрейда [12] и Жака Лакана [24]. Предлагая гипотезу о наличии третьей стадии в социализации мужчины, я не выхожу из этого поля, в рамках которого доказывается двоичная структура социализации, и не стремлюсь к теории постадийного восьмеричного психосоциального развития Эрика Эриксона [25].

В ситуации нормальной мужской социализации желание феминности в конце его социализации отмечено самим отказом от феминности в начале его социализации: если мужчина не станет женщиной, значит, он ее желает. Она – его отвергнутая идентификация, а воплощенный в реальность им отказ от феминности репрезентирует одновременно и идентификацию, и объект его желания. Одной из наиболее настоятельных целей в конце его социализации будет выработка и осознанное *конструирование* различий между им и его любимой женщиной, и он будет стремиться разыскать доказательства этого различия. Так, мифология любви трансформируется в социальную реальность. Поскольку раз отвергнутое и потому утерянное для мужчины сохраняется в его сознании как отвергнутая идентификация, стремление к женщине будет преодолевать эту идентификацию, которой, в сущности, не завершиться никогда. В любви к женщине, в добровольном инкорпорировании в систему гендерно-властных отношений мужчина субъективируется, тем самым формируется не только в качестве психологического существа, но и члена общества, а символическая власть женщины оказывается достаточно действенной и в постмодернистском обществе.

Литература

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М. : Праксис, 2006. – 320 с.
2. Фуко М. История сексуальности : в 3 т. / М. Фуко. – М. : Рефл-бук, 1998.
3. Фуко М. Нужно защищать общество / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2005. – 312 с.
4. Фуко М. Психиатрическая власть / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 456 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (дата обращения 13.08.2018).
7. Beauvoir S. de. Le Deuxième Sexe / S. de. Beauvoir. – Paris : Gallimard, 1949. – 528 p.
8. Бодрийяр Ж. Политический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2015. – 392 с.
9. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition : a report on knowledge / J.-F. Lyotard. – Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1984. – 144 pp.
10. Lyotard J.-F. The Différend : phrases in dispute / J.-F. Lyotard. – Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1989. – 232 pp.
11. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академия, 1995. – 304 с.
12. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд. – М. : Прогресс, 1991. – 456 с.
13. Brand P. Introduction / P. Brand, C. Kasmeyer // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 1990. – № 4. – P. 2–15.
14. Хартманн П. К. Французские короли и императоры / П. К. Хартманн. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – 576 с.
15. Aries E. Interaction patterns and themes of male, female and mixed groups / E. Aries // Small Group Behaviour. – 1976. – V. 1. – P. 7–18.
16. Кернберг О. Отношения любви. Норма и патология / О. Кернберг. – М. : Класс, 2006. – 256 с.
17. Belladonna J. The Manifestation of Radical Feminists / J. Belladonna, B. Penton // Libé, Juillet 1978.
18. Rich A. Of Woman Born : Motherhood as Experience and Institution / A. Rich. – N. Y. : W. W. Norton and Company, 1995. – 352 p.
19. Firestone S. The Dialectic of Sex : the Case for Feminist Revolution / S. Firestone. – N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 1972. – 240 p.
20. Allen J. Motherhood : the Annihilation of Women / J. Allen // Mothering : Essays in Feminist Theory / ed. by Joyce Trebilcot. – Totowa, NJ : Rowman and Allanheld, 1984. – P. 315–337.
21. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. / пер. С. А. Жебелева, сверенный А. И. Доватуром. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4.
22. Захер-Махох Л. фон. Любовь Платона / Л. фон. Захер-Махох // Л. фон Захер-Мазох. Наслаждение в боли. – М. : Эксмо, 1999. – 416 с.
23. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2000. – 880 с.

24. *Lacan J.* Desire and the interpretation of desire in Hamlet / J. Lacan // *Literature and Psychoanalysis : the Question of Reading : Otherwise* ed. by Shoshana Felman. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1982. – P. 11–52.

25. *Erikson E. H.* The Life Cycle Completed : extended version / E. H. Erikson, J. M. Erikson. – N. Y. : W. W. Norton and Company, 1998. – 144 p.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Шаров К. С., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии естественных факультетов

E-mail: const.sharov@mail.ru

Тел.: 8(916) 788-29-00

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Sharov K. S., Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of the Natural Sciences Philosophy Department

E-mail: const.sharov@mail.ru

Tel.: 8(916) 788-29-00